

Научная статья

УДК 314.7.044 + 325.14 + 316.325 + 94:159.953 + 929.52 + 392.3:159.953

doi 10.15826/tetm.2022.3.036

«История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани

Александр Викторович Овчинников

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

Аннотация. Цель работы — анализ теоретических и практических аспектов мнемонической адаптации и интеграции мигрантов в Республике Татарстан, российском регионе с собственным сложным ландшафтом памяти. Источниками исследования выступают материалы деятельности Дома Дружбы народов г. Казани. Методологической базой статьи является конструктивизм. В результатах исследования отмечается примордиальная основа официальных исторических представлений, совокупность которых предложено трактовать в качестве «истории старших». Констатируются автономность нарративов о прошлом «местных» и «пришлых», а также разная значимость исторических воззрений для «молодых» и «старших». Выявлена связь между противоречиями в социальной и исторической политике Дома Дружбы народов. В выводах статьи предложены практические рекомендации по активизации процессов мнемонической адаптации и интеграции мигрантов, главная из которых — актуализация их семейной памяти.

Ключевые слова: Дом Дружбы народов, иммигранты, историческая память, историческая политика, адаптация и интеграция, семейная память

Для цитирования: Овчинников А. В. «История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 37–46. doi 10.15826/tetm.2022.3.036

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Original article

The History of the «Elders»: the Historical Policy of the House of Friendship of Nations of Kazan

Aleksandr V. Ovchinnikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

Abstract. The purpose of the work is to analyze the theoretical and practical aspects of mnemonic adaptation and integration of migrants in the Republic of Tatarstan, a Russian region with its own complex landscape

© Овчинников А. В., 2022

of memory. The sources of the research are the materials of the activity of The House of Friendship of Nations in Kazan. The methodological basis of the article is constructivism. The results of the study note the primordial basis of official historical representations. The autonomy of narratives about the past of “local” and “newcomers” and different significance of historical views for the “young” and “senior” is stated. The connection between contradictions in the social and historical policies of The House of Friendship of Nations is revealed. The conclusions of the article offer practical recommendations for activating the processes of “mnemonic” adaptation and integration of migrants, the main of which is the actualization of their family memory.

Keywords: the House of Friendship of Nations, immigrants, historical memory, historical policy, adaptation and integration, family memory

For citation: Ovchinnikov, A. V. (2022). “Istoriya starshikh”: istoricheskaya politika Doma Druzhyby Narodov g. Kazani [“The History of the Elders”: the Historical Policy of the House of Friendship of Peoples of Kazan]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 37–46. doi 10.15826/tetm.2022.3.036

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00503 “Transformation of the collective memory of migration communities in modern Russia: intergenerational dynamics, family values and commemorative practices”.

Для современного российского государства и тем более общества «проблема иммигрантов» является актуальной, о чем не перестают свидетельствовать динамика соответствующих публикаций в прессе [Новости миграции...] и оживленная научная дискуссия [Долгов, 29–35] вокруг различных аспектов адаптации и интеграции «пришлых» [Малахов 2015]. В осмыслении места и роли иммигрантов в современном российском социуме сфокусировались, на наш взгляд, три принципиально отличные друг от друга «реальности»: обыденного мышления, государственных идеологем и методологии научного анализа. Отечественная специфика, на мой взгляд, заключается в частом «пересечении» этих систем координат, когда, например, официальная риторика отталкивается от представлений обывателя и заменяет собой собственно научную методологию [Шнирельман, 30–66]. В свою очередь, это приводит не к «решению проблемы иммигрантов», а наоборот, что подтверждается большим объемом фактологического материала, к конструированию этой «проблемы», актуализации ее в публицистике и СМИ, появлению потенциально конфликтогенных рецептов решения, которые чреватые серьезными социальными последствиями [Овчинников 2018]. Таким образом, в настоящее время назрела необходимость создания научно обоснованной теоретической модели анализа российского варианта «проблемы иммигрантов», учитывающей не только социальные последствия попыток ее разрешения, но и предлагаемые

различными авторами интеллектуальные практики ее осмысления.

Важнейшей частью такой теоретической модели является выработка методологического и методического инструментария для изучения «точек диффузии» исторической памяти «местных» и «пришлых», так как в мировоззрении обывателя и постсоветских государственных идеологиях большое место уделяется «конструкциям прошлого», через которые осмысливается «настоящее» и обосновываются конкретные практические решения. Представления о прошлом — серьезный символический капитал, обладание которым, с одной стороны, позволяет принимающей стороне конструировать и транслировать определенную картину мира, а иммигрантам постепенно встраиваться в новые для них социально-экономические и политические отношения, иными словами, постепенно, через общее прошлое становиться «своими».

Несмотря на то что к настоящему времени накоплен достаточно внушительный объем зарубежных и отечественных исследований по проблемам исторической политики, исторической памяти и в целом исторической культуры, публикаций, посвященных роли образов прошлого в адаптации и интеграции мигрантов, пока относительно немного, но само их появление координировано в том числе и работами исследовательского коллектива, отношение к которому имеет автор этих строк. В рамках работы «незримого колледжа» предпринимались попытки изучения теоретических

основ и конкретных мировых и российских кейсов «мнемонической» адаптации и интеграции иммигрантов [Аникин; Линченко; Овчинников, Головашина, Благинин]. Пожалуй, важнейшим выводом этих исследований следует считать доказательство продуктивности конструктивизма как методологической основы дальнейшего анализа проблемы.

Диапазон практик адаптации и дальнейшей интеграции иммигрантов продолжает оставаться обширным, и в нем важно выбирать кейсы, результатом изучения которых стало бы дальнейшее накопление перечня рекомендаций общественным и государственным структурам. В этом спектре важной представляется «извечная» дилемма «отцов и детей», дискурс которой информативен для изучения жизни иммигрантов: значительная их часть приходится на бывшие союзные республики Закавказья и Средней Азии, где возрастные отличия напрямую связаны с социальным статусом и предписанными нормами поведения.

В век глобализации, развития СМИ и Интернета различные версии истории являются доступными и проблема «отцов и детей» наполняется новым содержанием. Возникают следующие вопросы и одновременно исследовательские задачи: насколько общее советское прошлое и соответствующее восприятие истории являются «базисной» платформой для диалога между старшими поколениями «местных» и «пришлых»; какова роль в этом диалоге постсоветских этнонациональных историй, навязывающих, как известно, автономное от России, а иногда и враждебное по отношению к ней прошлое; если «младшие» поколения иммигрантов являются носителями только «нового исторического сознания», то как его сначала «примирить», а затем инкорпорировать с основными постулатами официального российского нарратива (который, между прочим, в отдельных региональных аспектах сам является фрагментарным и еще не полностью сформированным)?

Поставленные вопросы служат началом большого исследования, часть которого изложена в данной статье, и являются попыткой осмысления налаживания диалога о прошлом между иммигрантами и принимающей стороной с точки зрения государства. Речь идет

о государственной исторической политике, которая реализуется бюрократическим аппаратом и является результатом взаимодействия чиновников прежде всего со старшими поколениями общин иммигрантов, которые, в силу традиций, пока еще «говорят за молодых», как бы оттеняя их современное восприятие мира своим мировоззрением.

Интереснейшим кейсом, характеризующим историческую политику одного из регионов России в отношении иммигрантов и в то же время отражающим взаимодействие разных картин прошлого, пытающимся транслировать получившиеся конструкты «минувшего» через официальных лидеров общин в «массы» иммигрантов, является деятельность Дома Дружбы народов (далее — ДДН) в г. Казани Республики Татарстан. Источниками исследования послужат официальный сайт этой организации [Дом Дружбы...], сообщения СМИ о проводимых под ее эгидой мероприятиях, так или иначе связанных с интерпретациями прошлого, а также результаты анкетирования иммигрантов.

Дом Дружбы народов является государственной организацией (его учредитель — Кабинет министров РТ, а состоит он в подчинении Министерства культуры РТ). Находящиеся под его эгидой общины иммигрантов числятся формально общественными объединениями в составе Ассамблеи народов Татарстана [Там же]. Среди немногочисленных исследований, посвященных ДДН, следует отметить фундаментальную статью Л. В. Сагитовой о ретроспективе социальных аспектов деятельности организации [Сагитова]. Автор, на мой взгляд, верно отметила «промежуточное» положение ДДН между идеалами советского интернационализма и неумолимо наступающей глобализацией. Из исследования Л. В. Сагитовой можно сделать вывод о том, что «родимые пятна» советского прошлого в новых условиях обуславливают сложности (в частности, бюрократического характера) в решении структурами ДДН конкретных социальных проблем иммигрантов, затрудняют взаимодействие с другими государственными организациями (например, МВД). Автор не касалась проблем исторической политики, что на заключительном этапе настоящего исследования позволит определить характер взаимосвязей между

«насущным социальным» и «отвлеченным символическим».

Сам Татарстан в ряду российских регионов отличается сложным «мнемоническим ландшафтом». Кроме узловых точек общегосударственного исторического нарратива здесь нельзя не отметить серьезных усилий местных властей по конструированию не только регионально-этнической истории татар-суннитов, но и истории огромного евразийского «татарского мира», впрочем, политически и культурно «запрограммированного» на отстаивание региональных интересов. Татарстан, где, согласно официальному брендингованию местности, соединились Запад и Восток [Макарова], является привлекательным местом «обретения новой Родины» для выходцев из бывших советских республик Средней Азии и Закавказья. Дом Дружбы народов, несущий явные черты советского интернационализма, призван канализировать поток иммигрантов в приемлемое для государства русло, в том числе, по крайней мере декларируемых, представлений о прошлом. Однако здесь проявились серьезные проблемы мировоззренческого характера, связанные прежде всего с содержанием официальных идеологем, которые кладутся в основу исторической политики ДДН.

Судя по материалам официального сайта интересующей нас организации, иммигрантов можно охарактеризовать как умозрительную социальную категорию, выделяемую государством по признакам относительно длительного (не связанного с туризмом) нахождения людей на его территории и отсутствия у них официального гражданства (или относительно недавнего его приобретения). Таким образом, первоначально иммигранты не вписываются в социальные структуры «местных», и их адаптация и интеграция напрямую зависят от того, по каким основаниям в дальнейшем классифицируют иммигрантов, чтобы получившиеся таксоны, как «пазлы», вложить в уже имеющуюся (вернее, официально воображаемую) мозаику социума принимающей стороны.

Сами основы данной классификации иммигрантов зависят от ряда идеолого-политических факторов, среди которых в России наиболее влиятелен фактор этнический, что обуславливает официальное (то есть закрепленное в соответствующих документах) деление

иммигрантов на этнические (а не социально-профессиональные) группы. Государство воображает иммигрантов совокупностью гомогенных групп, относящихся к тем или иным народам и имеющих такие характеристики, как «менталитет», «религиозные и культурные традиции и обычаи» и, наконец, «история». Иными словами, уже изначально в прибывшем иммигранте государство видит не врача, учителя или строителя, а узбека, таджика или азербайджанца и явно на первое место ставит их не столько социальную, сколько культурную адаптацию.

К сожалению, приходится констатировать, что в основе теоретической базы такого вектора восприятия иммигрантов лежит примордиализм, который постулирует объективное существование народов (в этническом смысле слова), реальность их многовековой истории и их субъектность в мировом историческом процессе. Примордиализм уже долгое время подвергается обоснованной критике специалистов, не без оснований указывающих на его конфликтный потенциал и «пригодность» для квазиобъяснения реальных этнических столкновений, в том числе и на постсоветском пространстве [Малахов 2007, 66–74]. Однако примордиализм удивительно живуч и практически нечувствителен к критике, что позволяет видеть в нем глубинную эмоциональную составляющую, укладывающуюся в феномен традиционного сознания [Овчинников 2020а].

В дискурсе примордиализма постулируется важная роль «общего прошлого» в «культурной» адаптации и интеграции иммигрантов, что обуславливает создание интересных мнемонических ландшафтов, сеть которых призвана накрыть современную социально-экономическую реальность. Рассмотрим, какой именно мнемонический ландшафт сложился в результате более чем 20-летнего функционирования ДДН в г. Казани.

Официальный сайт ДДН состоит из «подразделов» (сайтов национально-культурных объединений), каждый из которых посвящен одной национальности. В свою очередь, в этих «подразделах» имеются исторические справки, вкратце раскрывающие прошлое народа. Эти справки интересны тем, что представляют собой официальное видение истории той или иной этнической группы. Первоначально

интересно проанализировать сведения о русском народе, так как они, во-первых, отражают основные положения общефедерального нарратива; во-вторых, история русских, по сути, позиционируется тем символическим пространством, в которое предполагается вписаться историям иммигрантов.

В очерке об истории русских речь идет о «соборном мироощущении», «единой этнокультурной общности», начавшей свое формирование в XIII–XIV вв. Констатируется большая роль миграционных процессов в формировании русских, но эти миграции связаны не с приходом нового «инородного» населения и заимствованием элементов культуры и, например, хозяйственных инноваций соседей, а с колонизацией и территориальной экспансией. Отмечается, что в ходе освоения новых территорий происходила мирная «естественная» ассимиляция местного населения, но в более позднее время (XVIII–XIX вв., то есть в эпоху присоединения Закавказья и Средней Азии) случались и конфликты «русских православных общин» с местным населением из-за земли и других ресурсов [Русское национально-культурное...].

Даже в рамках примордиализма в таком нарративе трудно найти место для историй иммигрантов. Также не следует забывать, что с 2020 г. русский народ обозначен в Конституции РФ как государствообразующий, и фактически история государства подменяется историей одной, пусть и самой большой этнической группы. Экзаменационные вопросы по истории для желающих получить гражданство или вид на жительство иммигрантов — это вопросы по истории русских и православия, даже без учета историй других «коренных» народов России [Экзамен для иностранных...] (этот факт был в частной беседе изложен одному из чиновников ДДН, в ответ он рассказал о сложной бюрократической процедуре утверждения вопросов для подобных экзаменов). Проявляющаяся даже в юридических контурах иерархия носит определенный отпечаток древнейшей индоевропейской традиции трехчленного вертикального деления общества. Не случайно написанный в рамках этой же традиции диалог Платона «Государство» сегодня популярен у крайне правых, обычно мало симпатизирующих иммигрантам [Александр Дугин...].

Исследуемый ДДН находится в Казани — столице Татарстана, поэтому логично проанализировать содержащиеся на сайте ДДН официальные положения об истории татар. Целого текста по этому вопросу обнаружить не удалось, но в татарском подразделе сайта имеется ссылка на Всемирный конгресс татар (ВКТ) — общественную организацию, созданную при деятельном участии властей Республики Татарстан. В самых общих чертах продвигаемая ВКТ версия истории «единой татарской нации» похожа на рассмотренный выше русский нарратив о «единой этнокультурной общности», что ставит тот же вопрос о месте в этом мнемоническом ландшафте для историй иммигрантов. Сложности иммигрантам добавляет и тот факт, что общефедеральный «русский» и официальный татарстанский нарративы часто идут параллельно, а местами противоречат друг другу (особенно когда речь идет об исторических истоках российской государственности) [Овчинников 2020б].

Обратимся к подразделам сайта ДДН — страницам национально-культурных ассоциаций и автономий среднеазиатских народов, представители которых составляют значительную долю иммигрантов Татарстана. При их анализе складывается впечатление, что мы имеем дело с филиалами посольств соответствующих стран. Справки об истории и культуре данных народов написаны без участия российской стороны и соответственно без учета ее исторической политики. При ближайшем ознакомлении приходит понимание, что перед нами варианты автономных этнонациональных историй, в которых общему с Россией в целом и с Татарстаном в частности прошлому, за редким исключением, внимания практически не уделено. Например, сайт Национально-культурной автономии казахов Республики Татарстан «Казахстан» открывается международными новостями об этнической казахской культуре. Не совсем понятно, какое отношение к адаптации и интеграции казахских иммигрантов в России, и в частности в Татарстане, имеет новость об «Абаевских чтениях» в г. Пекине или о презентации цифровой библиотеки казахской литературы в г. Баку. Также неясно, как связаны жизнь казахов в Казани и сугубо внутренние новости Казахстана. Сама историческая справка

о Казахстане написана в примордиальном контексте и в рамках казахской этнонациональной истории [Национально-культурная автономия казахов...]. Особо отмечается, что казахи-иммигранты на территории России незначительно подвергаются ассимиляции. Ни о какой «общей истории» речи не идет, хотя здесь сам собой напрашивается образ Золотой Орды (Улуса Джучи) — средневекового государства, которое и в Татарстане, и в Казахстане считают важнейшим звеном своей истории.

На сайте Национально-культурной автономии узбеков РТ история этого народа представлена древним и средневековым периодами, заканчивается же очерк временем «экспансии Российской империи» [Национально-культурная автономия узбеков...]. Далее и в других контекстах Россия не упоминается.

Выгодно отличаются от предыдущих образы прошлого на сайте Национально-культурной автономии таджиков РТ. В многочисленных новостных сообщениях прослеживается взаимосвязь истории Таджикистана и России (в том числе и Татарстана). Показательна новость от 1 сентября 2022 г. с говорящим названием: «Казанский Кремль: где находился таджикский овраг?». В исторической справке констатируются положительные последствия нахождения территории современного Таджикистана в составе Российской империи и СССР, перечисляются конкретные достижения в хозяйственном и культурном развитии этих эпох [Национально-культурная автономия таджиков...]. Однако данный вариант истории является «историей старших», по умолчанию приписываемой и «молодым», но результаты анкетирования самих «молодых» (50 человек в возрасте 17–20 лет) говорят о второстепенности прошлого в их взглядах на мир и ориентированности на решение конкретных социальных и экономических проблем.

Без находящихся в дискурсах примордиализма и официальной картины мира наводящих вопросов об истории и культуре причины переезда в Россию студенты-таджики описывали почти «внеисторично» и «внекультурно», но с большим уклоном в сторону семейной истории (орфография и пунктуация сохранены): «...главной причиной стала трудовая безработица республики. Вторая причина

миграция с целью получения образования. Не смотря на то, что с таджикским дипломом почти что не возможно работать за границей и даже в самом Таджикистане оно еще очень сильно бьет по карману, даже если ты учишься на бюджете трата денег не прекращается. Это первостепенные причины переезда. С возрастом все больше и больше видишь причины миграции таджиков, которые касаются экономической нестабильности, низкого уровня жизни и несправедливое по моему мнению отношение к религиозным убеждениям. Таджикистан на 90 % состоит из мусульман, но эти люди настолько привыкли к несоблюдению их религиозных прав, что уже и не видят разницу. С Россией (Таджикистан. — А. О.) связывают дипломатические отношения, межведомственные соглашения связанные с политической, экономической и военных областях. Также экономика (внутренняя) Таджикистана зависит в какой-то мере от частых переводов денег мигрантов из России. На сколько я знаю Таджикистан и Татарстан связывает сельскохозяйственная отрасль, сфера добычи полезных ископаемых и т. д. Лично для моей семьи причиной переезда из Красноярска в Казань стало широкое развитие исламских школ, свободное ношение хиджаба, большое количество мусульман» (Мафтуна, 18 лет, студентка).

«Мой отец в 1997 г. переехал в Россию причиной стало Гражданская война так как после войны там тяжело было жить. Он переехал начал зарабатывать деньги и помогать родителям. В Казань (Я. — А. О.) переехал этим летом потому что красивый город. Исламский город. Добрые люди. С целью учиться» (Хабиб, 19 лет, студент). На прямые вопросы об общем в истории и культуре России (Татарстана) и Таджикистана студенты не смогли ответить прямо и, воспользовавшись Интернетом, выдавали однотипные ответы из диапазона приписываемой «истории старших»: «Таджикистан и Россию связывают тесные и братские узы, дружба народов и культурное наследие. Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией были установлены в апреле 1992 г. Таджикистан с Татарстаном связывают религиозные и культурные ценности, сплоченность и взаимные отношения» (Хабиб, 19 лет, студент) [Полевые материалы...].

Вернемся к исторической политике ДДН. Схожие с репрезентациями прошлого в исторических очерках об истории среднеазиатских народов тенденции наблюдаются и в сюжетах об истории бывших советских закавказских народов. История и культура Азербайджана представлены сравнительно объемными текстами, но места России там практически нет, лишь вскользь упоминается о советском периоде, и то в контексте развития азербайджанского языка и культуры [РОО азербайджанцев...]. Показателен пример Грузии, где в повествовании между вхождением страны в состав Российской империи и получением независимости в 1991 г. — полная лакуна [Национально-культурная автономия грузин...].

В этом ряду выгодно отличается Армения (как и Таджикистан среди среднеазиатских республик), в историческом нарративе об истории которой уделено место армяно-российским связям в прошлом, в частности, истории армянской диаспоры в России. Судя по доступным официальным материалам, национально-культурная автономия армян активно участвует в общественной и культурной жизни Татарстана [Национально-культурная автономия армян...]. Так, в своем интервью лидер армянской общины Казани актуализировал факт существования колоний армянских купцов в Болгаре в XIII в. [Михаил Хачатурян...]. В пределах самого Болгара, считающегося центром татарского ислама, местом «малого хаджа», на территории православной церкви был установлен армянский хачкар [В Болгаре...].

Изложенный выше материал позволяет говорить об отсутствии контролируемой системности в исторической политике по отношению к иммигрантам ДДН в Казани. Да, проводятся общие мероприятия, посвященные, например, участию народов бывшего СССР в Великой Отечественной войне (шествия представителей общин иммигрантов в национальной одежде в «Бессмертном полку»), но даже они своей эмоциональностью и массовостью на самом деле не столько ослабляют, сколько, наоборот, укрепляют этническую идентичность иммигрантов, создавая, по моему мнению, лишь видимость адаптации и интеграции.

Малая эффективность исторической политики ДДН, на мой взгляд, является отражением противоречий в его политике социальной, которая, как указывалось выше, была проанализирована в работе Л. В. Сагитовой. Сопоставление результатов двух исследований дает право говорить о взаимосвязи социально-политических противоречий и разных подходов к освещению общего прошлого «местных» и «пришлых». Пока не будут урегулированы насущные проблемы банального выживания, даже согласованные штудии о прошлом будут носить схоластичный характер малопригодной для современной жизни «истории старших». Между тем это не означает отсутствие (со ссылкой на фундаментальную «непригодность» примордиальной теоретической базы) необходимости «согласовывать историю», делать это применительно к практике работы ДДН, на мой взгляд, необходимо в самых общих чертах по следующим параметрам:

1. Минимизировать влияние официальных историй «стран исхода» на общины иммигрантов.

2. На официальном сайте ДДН и других подобных организаций предусмотреть создание обязательных для ознакомления иммигрантами и доступных для понимания нарративов об историческом взаимодействии данного народа с Россией в целом и народами определенного региона в частности.

3. На официально организуемых с участием иммигрантов культурных мероприятиях актуализировать не столько их этническую идентичность, сколько формировать идентичность российскую. Желательно не допускать противоречий между общероссийской и региональной самоидентификациями (например, «россияне» и «татарстанцы»).

4. Разработать ряд мер по актуализации семейной памяти (в противовес этнической), что, на наш взгляд, позволит постепенно перевести проблемы культурной адаптации в плоскость социальной интеграции.

5. Вопросы в экзаменационных билетах на получение вида на жительство и гражданства дополнить материалом об обмене народами в прошлом культурным и материальным опытом, по возможности снизить степень «русскоцентричности».

Список источников

- Александр Дугин: мы двигаемся к построению государства Платона. 05.12.2016. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-my-dvigaemsja-k-postroeniju-gosudarstva-platona_37941 (дата обращения: 15.11.2022).
- Аникин Д. А. Праздник как элемент культурной памяти миграционного сообщества // *Studia Humanitatis*. 2018. № 2. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 15.11.2022).
- В Болгаре состоялось открытие армянской святыни — хачкара. 23.10.2022. URL: <http://spas-rt.ru/news/tema-dnya/v-bolgare-sostoyalos-otkrytie-armyanskoj-svyatyini> (дата обращения: 15.09.2022).
- Долгов А. А. Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 29–35.
- Дом Дружбы народов Татарстана. URL: <https://addnt.ru/house> (дата обращения: 15.11.2022).
- Линченко А. А. Миграция и миграционные сообщества в фокусе memory studies // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 2. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106476/1/tetm-2-2021-01.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).
- Макарова Г. И. Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 2. С. 338–357.
- Малахов В. С. Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М. : Новое лит. обозрение, 2007.
- Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2015.
- Михаил Хачатурян: «Со времен Волжской Булгарии армяне здесь жили и строили». 06.04.2015. URL: <http://addnt.ru/mikhail-khachaturyan-so-vremen-volzhskoj> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия армян Республики Татарстан. URL: <https://arm.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия грузин города Казани «Сиони». URL: <http://grz.addnt.ru/o-gruzii/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия казахов Республики Татарстан «Казахстан». URL: <https://kaz.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия таджиков Республики Татарстан. URL: <https://tgk.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия узбеков Республики Татарстан. URL: <https://uzb.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Новости миграции в России и мире сегодня. URL: <https://rg.ru/tema/obshestvo/socio/migranti/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Овчинников А. В. «Культурная интеграция мигрантов»: методологические аспекты деконструкции дискурса // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2018. № 1(6). С. 82–90.
- Овчинников А. В. 2020а. Символический предел фронта: «генофонд народа» и миграции в прошлом и настоящем // *Журнал фронтальных исследований*. 2020. № 2. С. 60–76.
- Овчинников А. В. 2020б. «Русский мир», «татарский мир» и «история кряшен»: исторические составляющие (нео) колониальных мифов в современном Татарстане // *История: электрон. науч.-образоват. журн*. 2020. Вып. 9(95). URL: <https://history.jes.su/s207987840012219-9-1/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Овчинников А. В., Головашина О. В., Благинин В. С. Культурная память россиян в ситуации миграционных вызовов // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 55. С. 196–202.
- Полевые материалы А. В. Овчинникова за 2022 г. (личный архив автора).
- РОО (Региональная общественная организация) азербайджанцев Республики Татарстан. URL: <http://azr.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Русское национально-культурное объединение Республики Татарстан. URL: <https://rus.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Сагитова Л. В. Дом Дружбы народов как объект и субъект социального реформирования: от советской модели к глобализационной? // *Журн. исследований социал. политики*. 2011. Т. 9, № 4. С. 495–512.
- Шницерльман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. : Новое лит. обозрение, 2011. Т. 2. С. 30–66 («Кубанский почин»).
- Экзамен для иностранных граждан. История. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений». URL: http://inostr-exam.fipi.ru/xmodules/qprint/index.php?theme_guid=E40D1967482C9352490AF2110B955050&proj_guid=8FFB3FDC1B9E9DB740E528C8E1058CF0 (дата обращения: 15.11.2022).

References

- Aleksandr Dugin: my dvigaemsya k postroeniyu gosudarstva Platona* [Alexander Dugin: We are moving towards building Plato's state]. 05.12.2016. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-my-dvigaemsja-k-postroeniju-gosudarstva-platona_37941 (accessed: 15.11.2022).
- Anikin, D. A. (2018). Prazdnik kak element kul'turnoi pamyati migratsionnogo soobshchestva [Holiday as an element of the cultural memory of the migration community]. *Studia Humanitatis*, 2. URL: www.st-hum.ru (accessed: 15.11.2022).

Dolgov, A. A. (2015). Osnovnye napravleniya i etapy issledovaniya migratsii naseleniya v otechestvennoi nauke [The main directions and stages of the study of population migration in Russian science]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2, 29–35.

Dom Druzhby narodov Tatarstana [House of Friendship of the Peoples of Tatarstan]. URL: <https://addnt.ru/house> (accessed: 15.11.2022).

Ekzamen dlya inostrannykh grazhdan. Istoriya. Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki. FGBNU Federal'nyi institut pedagogicheskikh izmerenii [Exam for foreign citizens. History. Federal Service for Supervision of Education and Science. FGBNU "Federal Institute of Pedagogical Measurements"]. URL: http://inostr-exam.fipi.ru/xmodules/qprint/index.php?theme_guid=E40D1967482C9352490AF2110B955050&proj_guid=8FFB3FDC1B9E9DB740E528C8E1058CF0 (accessed: 15.11.2022).

Linchenko, A. A. (2021). Migratsiya i migratsionnye soobshchestva v fokuse memory studies [Migration and migration communities in the focus of memory studies]. *Tempus et Memoria*, 2(2). URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106476/1/tetm-2-2021-01.pdf> (accessed: 15.11.2022).

Makarova, G. I. (2018). Obraz Tatarstana i strategii ego brendirovaniya v predstavleniyakh i otsenkakh naseleniya regiona [The image of Tatarstan and its branding strategies in the perceptions and assessments of the population of the region]. *Regionologiya*, 26, 2, 338–357.

Malakhov, V. S. (2007). *Ponaekhali tut... Ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom plyuralizme* [Let's go here... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Malakhov, V. S. (2015). *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants: concepts and practices]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".

Mikhail Khachatryan. "So vremen Volzhskoi Bulgarii armyane zdes' zhili i stroili" [Mikhail Khachatryan: "Since the time of Volga Bulgaria, Armenians have lived and built here"]. 06.04.2015. URL: <http://addnt.ru/mikhail-khachatryan-so-vremen-volzhskojj> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya arмян Respubliki Tatarstan [National and Cultural Autonomy of Armenians of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://arm.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya gruzin goroda Kazani "Sioni" [National-cultural autonomy of Georgians of the city of Kazan "Sioni"]. URL: <http://grz.addnt.ru/o-gruzii/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya kazakhov Respubliki Tatarstan "Kazakhstan" [National-cultural autonomy of Kazakhs of the Republic of Tatarstan "Kazakhstan"]. URL: <https://kaz.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya tadzhikov Respubliki Tatarstan [National and cultural autonomy of the Tajiks of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://tgk.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya uzbekov Respubliki Tatarstan [National and cultural autonomy of the Uzbeks of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://uzb.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Novosti migratsii v Rossii i mire segodnya [Migration news in Russia and the world today]. URL: <https://rg.ru/tema/obshchestvo/socio/migranti/> (accessed: 15.11.2022).

Ovchinnikov, A. V. (2018) Kul'turnaya integratsiya migrantov: metodologicheskie aspekty dekonstruktsii diskursa [Cultural integration of migrants: methodological aspects of discourse deconstruction]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii*, 1(6), 82–90.

Ovchinnikov, A. V. (2020a). Simvolicheskiy predel frontira: "genofond naroda" i migratsii v proshlom i nastoyashchem [The symbolic limit of the frontier: the "gene pool of the people" in the past and present]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, 2, 60–76.

Ovchinnikov, A. V. (2020b). "Russkii mir", "tatarskii mir" i "istoriya kryashen": istoricheskie sostavlyayushchie (neo)kolonial'nykh mifov v sovremennom Tatarstane ["The Russian World", "The Tatar World" and "the history of the Kryashens": the historical component of (neo)colonial myths in modern Tatarstan]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, 9(95). URL: <https://history.jes.su/s207987840012219-9-1/> (accessed: 15.11.2022).

Ovchinnikov, A. V., Golovashina, O. V., Blaginin, V. S. (2020). Kul'turnaya pamyat' rossiyan v situatsii migratsionnykh vyzovov [Cultural memory of Russians in the situation of migration challenges]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 55, 196–202.

Polevye materialy A.V. Ovchinnikova za 2022 god [Field materials of Ovchinnikov A. V. for 2008] (lichnyy arhiv avtora).

ROO (Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya) azerbaidzhantsev Respubliki Tatarstan [Regional Public Organization of Azerbaijanis of the Republic of Tatarstan]. URL: <http://azr.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Russkoe natsional'no-kul'turnoe ob'edinenie Respubliki Tatarstan [Russian National and Cultural Association of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://rus.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Sagitova, L. V. (2011). Dom Druzhby Narodov kak ob'ekt i sub'ekt sotsial'nogo reformirovaniya: ot sovetsoi modeli k globalizatsionnoi? [The House of Friendship of Nations as an object and subject of social reform: from the Soviet model to the globalization model?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 9 (4), 495–512.

Shnirel'man, V. A. (2011). Porog tolerantnosti: Ideologiya i praktika novogo rasizma [The threshold of tolerance: Ideology and practice of the new racism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie ("Kubanskii pochini"), 2, 30–66.

V Bolgare sostoyalos' otkrytie armyanskoi svyatyni — khachkara [The opening of the Armenian shrine — khachkar took place in Bolgar]. 23.10.2022. URL: <http://spas-rt.ru/news/tema-dnya/v-bolgare-sostoyalos-otkrytie-armyanskoy-svyatynin> (accessed: 15.09.2022).

Сведения об авторах

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Information about the authors

Aleksandr V. Ovchinnikov, Cand. Sci (History), Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

*Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022*

*The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022*